
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
MEMORABLE DATES

**Он расширял наше виденье психологической науки.
Воспоминание о В.П. Зинченко
(10 августа 1931 — 6 февраля 2014).
Эссе**

В.А. Гуружапов*
ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
otdel-m@yandex.ru

В эссе представлен образ выдающегося российского ученого, психолога Владимира Петровича Зинченко с точки зрения проявленного им единства жизни и профессии. Описываются воспоминания автора эссе о различных встречах с этим интереснейшим человеком. Отмечается его влияние на становление профессионального сознания целого поколения российских психологов. Показана роль Зинченко в проработке содержательных связей культурно-исторической психологии с различными направлениями гуманитарных исследований. Дается неакадемическая трактовка некоторых поставленных им проблем, важных для психологических исследований неклассического типа.

Ключевые слова: В.П. Зинченко, ученый, психолог.

Прошел уже год, как Владимира Петровича Зинченко нет с нами. Но его образ не утратил чувственной конкретности и живы воспоминания о встречах с ним.

В эту скорбную годовщину хочется отметить один недостаточно оцененный вклад нашего старшего коллеги в российскую науку, который очень важен для меня и, думаю, для многих других психологов. Владимир Петрович демонстрировал нам возможность единства жизни и профессии. Он пытался внести живое биение жизни в науку и тем самым расширять наше виденье психологии.

Помню мою первую встречу с ним на психологическом факультете МГУ в 1976 году. Тогда в рамках курса общей психологии ряд ведущих специалистов факультета читали лекции по отдельным отраслям психологических знаний. Владимир Петрович про-

чел лекцию по инженерной психологии. Меня поразило, что начал он не с изложения истории и теории вопроса, а с анализа одного недавно произошедшего события в Ленинграде: один летчик посадил самолет на Неву. Почти дословно помню его суждения: «Все восхищаются мастерством пилота. А между тем этот летчик виноват в создании аварийной ситуации. С ним это уже не первый раз происходит. Психологи предупреждали, что он склонен к необоснованному риску. Его давно надо было отстранить от полетов».

Это Владимир Петрович знал точно, так как участвовал в работе разных комиссий, а потому был очень информированным человеком. Может быть, это не столько его заслуга, сколько удача. Но его безусловная заслуга заключалась в том, что он не дал своему опыту пылиться на задворках памяти. Он постоянно в беседах и лекциях воспроизводил важные

Для цитаты:

Гуружапов В.А. Он расширял наше виденье психологической науки. Воспоминание о В.П. Зинченко (10 августа 1931 — 6 февраля 2014). Эссе // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 114–116.

* *Гуружапов Виктор Александрович*, доктор психологических наук, заведующий кафедрой педагогической психологии, факультет психологии образования, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия. *otdel-m@yandex.ru*

с его точки зрения психологические детали тех или иных событий и дел. Тем самым он обогащал наш профессиональный опыт, приближал наше понимание психологических закономерностей к реалиям жизни. У Владимира Петровича было редкое чувство подробностей психической жизни.

Он умел замечать такие важные детали жизни и деятельности людей, которые без его участия так и утонули бы, наверно, без следа в реке времени. В молодости он однажды читал лекции по психологии пожарникам. Это было сразу после того, как свои лекции отчитал Александр Александрович Зиновьев, который был его постарше, но тоже еще был молодым человеком. В последствие Зиновьев стал всемирно известным логиком, социальным философом, писателем-памфлетистом. Владимир Петрович рассказал, как после первой лекции поинтересовался у организатора, есть ли какие-нибудь пожелания: «Тот ответил, что все хорошо, но не хватает точных определений, как было у Александра Александровича. Например, «пожар — это горение вещей, к тому не предназначенных». Тут я понял, что после Саши мне в этой аудитории делать нечего!» В последствие это очень помогло мне, когда я читал одну из последних книг Зиновьева «Русская трагедия». В ней от первого лица описывается история слома жизни и трансформации сознания московского интеллектуала в период перестройки 1900-х годов. В какой-то момент я начинал воспринимать эту историю как рассказ живого конкретного человека, сердце сжималось, и читать дальше этот социологический роман было невозможно. Но стоило мне вспомнить чудом сохранившееся благодаря Зинченко иронично-саркастическое определение Зиновьевым пожара, как я опять мог различать автора и героя-рассказчика, и тогда снова начинал проникать в беспощадное описание логики событий. Так я прочитал книгу до конца.

Зинченко был дружен со многими выдающимися психологами и философами нашего времени и много о них рассказывал. Для него ученый был, прежде всего, интересным человеком. Он умел подмечать такие особенности его натуры, которые никогда не описываются в академических биографиях, но чрезвычайно важны для понимания особенностей его научного мышления. Как-то раз у нас зашел разговор о Петре Яковлевиче Гальперине и границах его теории. Тогда Владимир Петрович поведал, что некоторые ученики Гальперина пытались подвинуть учителя на расширение рамок теории поэтапного формирования умственных действий. У них ничего не получилось: «Петр Яковлевич был гением самоограничения!». Именно самоограничение, а не ограниченность — вот характерная черта натуры этого ученого. Это подтверждает еще один рассказанный Зинченко эпизод из жизни Гальперина. Однажды Вася (Василий Васильевич Давыдов — друг Владимира Петровича со студенческих лет), молодой аспирант Петра Яковлевича, сообщил ему, что женится. Учитель отнесся к этому иронически — не рано ли? Вася тогда парировал: «Вы же сами мне говорили, что ра-

но женились!» На что Петр Яковлевич ответил: «Да, но я не говорил, что это хорошо для всех». В этой шуточной форме выразилась четкая позиция этого умнейшего человека: границы, которые он устанавливает для себя — это границы его жизни и деятельности. Другой не обязан им следовать. Ученик может преодолеть их, если сможет. Кстати, Давыдов так и сделал — создал собственную оригинальную теорию развития мышления детей.

Владимир Петрович был одним из тех, кто определял лицо культурно-исторической психологии и деятельностного подхода, прежде всего, в области, которая имеет общие основания с философией, культурой и искусством. Наверно, именно в этой своей ипостаси он останется в истории отечественной психологической науки. Он много анализировал в своих книгах идеи Густава Шпета, Павла Флоренского, Михаила Бахтина, Мераба Мамардашвили, а также многих других мыслителей нашего времени. Эти книги остались нам как завет: представителям культурно-исторической психологии нельзя замыкаться в узкопрофессиональных проблемах.

В своих книгах и лекциях Владимир Петрович постоянно обращался к примерам из поэзии, особенно из наследия Осипа Мандельштама. Считаю, что он даже ввел моду на этот стиль изложения психологических проблем и, тем самым, не дал утонуть нашей психологической науке в трясине бесконечного взаимного цитирования психологами друг друга.

Хотя Зинченко не увлекался изобразительным искусством так истово, как поэзией, но в его наследии есть блестящая статья о композиции японской гравюры. Я знаю, что он долго изучал «Лекции о композиции» художника Владимира Андреевича Фаворского. Однажды Владимир Петрович обсуждал этот труд с моим учителем художником-педагогом и психологом Юрием Александровичем Полуяновым. Суть разговора заключалась в том, что идеи Фаворского могут существенно продвинуть исследования в психологии восприятия. Но сложность заключается в том, что Фаворский постоянно обращается к образам конкретных произведений искусства, которые не просто иллюстрируют его суждения, но и несут в себе значительную часть смысла этих суждений. Это понятно художнику, но не понятно психологу. Поэтому надо «перевести» Фаворского для психологов. Но осуществить это тогда не удалось. Может быть, сейчас пришло время заняться этой проблемой?

Владимир Петрович постоянно обращал наше внимание на важные достижения в смежных науках. Его интерес к трудам выдающегося отечественного физиолога Николая Александровича Бернштейна, пожалуй, не имеет аналогов в отечественной психологической науке. Надо признать, что психологи не очень его в этом поддерживали. Тем не менее, он не уставал на различных психологических конференциях и семинарах вновь и вновь говорить об идеях Бернштейна. Но не только говорил, но и делал. Владимир Петрович, совместно с супругой Натальей

Дмитриевой Гордеевой, провел ряд экспериментов по психологической природе «живого движения». Хотя это сейчас мало обсуждается, но, тем не менее, идея необходимости ассимиляции в психологии достижений физиолога Бернштейна крепко засела в профессиональном сознании тех, кто когда-либо слушал Зинченко.

Владимир Петрович умел находить то, что может быть востребовано культурно-исторической психологией из других психологических теорий. Показательным примером является история издания книги Макса Вертгеймера «Творческое мышление» в 1987 году. Насколько я знаю, это было частной инициативой Зинченко. Никакой востребованности этой книги в ситуации психологии и педагогики того времени не было. Поэтому книга осталась незамеченной широкой психолого-педагогической общественностью нашей страны. Но для представителей деятельностного подхода в психологии, прежде всего, для последователей развивающего обучения и для меня лично, эта книга уже без малого 20 лет является немым укором: «Почему мы до сих пор не ассимилировали достижения гештальттеории?» Сегодня, перечитывая блистательную вступительную статью Владимира Петровича, я натолкнулся на следующее замечание; «Интеллект начинает представляться и осмысливаться как некоторая суперпозиция всех его

многообразных форм (сенсорных, образных, вербальных, знаково-символических, дискурсивных и пр.)». Теперь я понимаю, что было одним из побудительных мотивов его книги «Психологические основы педагогики», изданной в 2001 году — это понимание и желание раскрыть многообразие форм мышления.

Владимир Петрович обладал колоссальной эрудицией. Но никогда этим не бравировал. В 2000-е годы мы участвовали с ним в проекте Русского музея по музейной педагогике «Экологическая роль изобразительного искусства в условиях интенсивного визуального потока». Помню, как осторожно он анализировал проблему и данные экспериментальной работы. Он обнаруживал неизвестные ему раньше многообразные формы живого восприятия, и это было ему интересно.

Для тех, кто знал лично Владимира Петровича, он предстает как воплощение доброты, человеческой отзывчивости и аристократизма духа. Этим он привлекал к себе окружающих людей. Жаль, что новое поколение психологов лишены возможности общения с таким человеком, как Владимир Петрович Зинченко. Кто будет расширять им виденье горизонтов психологической науки?

*В.А. Гуружапов.
6 февраля 2015 г.*

He Who Enriched Our Visions of Psychology. Remembering Vladimir Zinchenko (August 10, 1931 — February 6, 2014). Essay.

V.A. Guruzhapov*

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
otdel-m@yandex.ru

This essay focuses on the figure of a prominent Russian scientist and psychologist Vladimir Zinchenko, illuminating the unity of his life and professional activities. The author reminisces about meetings with this outstanding person and emphasizes his influence over professional identity of a whole generation of Russian psychologists. He also reveals Zinchenko's role in explorations of the relationships between cultural-historical psychology and other fields of research in humanities. The essay concludes with a non-academic interpretation of some of the problems raised by Zinchenko for future non-classical psychological research.

Keywords: V.P. Zinchenko, scientist, psychologist.

For citation:

Guruzhapov V.A. He Who Enriched Our Visions of Psychology. Remembering Vladimir Zinchenko (August 10, 1931 — February 6, 2014). Essay. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 114–116. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Guruzhapov Viktor Alexandrovich*, PhD in Psychology, head of the Chair of Pedagogical Psychology, Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. *otdel-m@yandex.ru*